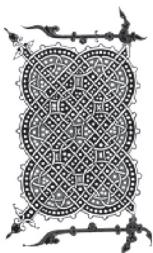

© 2023 И. В. Спасенкова
Вологда, Россия

ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИИ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РАННЕГО СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГОРОДА ВОЛОГДЫ)

Аннотация. В статье исследуются изменения в практике выбора имени в один из сложных периодов развития советского общества: в 1920-е – 1930-е годы. Выявляется степень традиционного и новационного при выборе имени, анализируется степень сохранности (статичности) традиции и направления в ее реконструкции. Источниковой основой для определения траектории изменений являются официальные документы по регистрации детей в советских органах Вологды. Изменения, происходившие здесь, типичны для большинства подобных городов, а следовательно, и городской повседневности раннего советского времени. Проведенный анализ источников позволяет сделать вывод о сохранении традиции имянаречения в конкретном городском пространстве ранней постреволюционной эпохи как маркера сохранения этничности.

Ключевые слова: имянаречение, провинциальный русский город, традиция, новации, городская повседневность, номенклатура имен, «мода» на имена, православные святцы, антропонимия, неологизмы, 1920-е – 1930-е годы, Вологда.

Ссылка при цитировании: Спасенкова И. В. Особенности традиции имянаречения в условиях раннего советского времени (по материалам города Вологды) // Традиции и современность. 2023. № 34. С. 106–110

Спасенкова Ирина Валентиновна (Spasenkova Irina Valentinovna) – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой теории, истории культуры и этнологии Института культуры и туризма Вологодского государственного университета, эл. почта: irinaspas@mail.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2023. № 34. С. 106–110

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoslavie.ru>

УДК – 392.3/173; ББК – 60.75; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2023-34/106-110>

Период первого послереволюционного двадцатилетия стал переходным в эволюции этнокультурной традиции, складывавшейся веками в моноэтничной и моноконфессиональной среде провинциального города. Задача советской власти состояла не только в кардинальных изменениях политico-правовой основы советского общества, реконструкции культурного ландшафта, но и в смене ценностных оснований, на которых прочно держался каркас традиций.

Важный критерий в определении этничности и традиционности ценностных ориентиров – это практика имянаречения. Традиции имянаречения одна из самых прочных в характеристике ценностных ориентиров этничности, однако и они были затронуты постреволюционным лихолетьем, вследствие чего подверглись фрагментарным разрушениям. Изменения, продиктованные новым законодательством, насилиственно реконструировали семейные и брачно-семейные основы. Это, свою очередь, не могло не отразиться на таком статичном маркере, как имя.

В данной статье преследуется цель – определить изменения в практике выбора имени, выявить степень традиционного и новационного при выборе имени, а также степень сохранности (статичности) традиции и направления ее реконструкции в один из сложных периодов развития советского общества в 1920-е – 1930-е годы.

Источниковой основой для определения траектории изменений в нашем случае являются официальные документы по регистрации детей в советских органах (органы ЗАГС по Вологодской губ., Вологодской обл. с 1937 г.). Все статистические и иные сведения, используемые в данной статье, представляют собой суммированный результат данных использованных источников. Это позволило нам отказаться от ссылок на конкретные дела и листы. Данный источник репрезентативен, обладает множественной скрытой информацией, выявление и обработка которой дает возможности выявить некоторые закрытые стороны городской культуры постреволюционной эпохи.

Территориальный охват изучаемой проблемы – губернский (с 1937 г. областной) центр – город Вологда. Изменения, происходящие здесь, типичны для большинства подобных городов, а следовательно, и городской повседневности раннего советского времени.

Как известно, правовое поле семейно-брачных отношений формировало свободу не только в вопросах заключения и расторжения брака, но и регулирования внутрисемейных устоев (таких как выбор имени, отчества, фамилии и прочее). В связи с изменениями в 1917–1918 гг. практики регистрации

детей менялась и форма учета данных. 18 декабря 1917 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли Декрет «О гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния» (Собрание узаконений 1912: 161–163), 16 сентября 1918 г. ВЦИК РСФСР утвердил семейный кодекс (Собрание узаконений 1918: № 76–77, ст. 818). Декретом СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. (Собрание узаконений 1918: № 18, ст. 263) все делопроизводство по актам гражданского состояния было передано местным органам советской власти.

Кодекс законов «О браке, семье и опеке» 1926 г. декларировал необходимость в записях о рождении фиксировать время и место рождения, пол, имя, отчество и фамилию, присваиваемые ребенку, местожительство, фамилии, имена, отчества, постоянное местожительство, занятия, возраст родителей (Собрание узаконений 1926: № 82, ст. 612). В регистрационный листок вносились сведения о родителях, их настоящем социальном положении и профессии, месте рождения и жительства. Важен и тот факт, что регистрация детей была довольно поздней – в 2–4 месяца – в сравнении с традиционным фактом крещения и внесения записей в метрические книги. Выявлены записи и более поздней регистрации – через 6–12 месяцев после рождения. Подобные случаи часто касались приезжих, раскулаченных переселенцев в конце 1920-х – начале 1930-х годов.

Исследовательская задача состояла, во-первых, в уяснении общей номенклатуры имен, даваемых детям в городском пространстве Вологды, и степени их популярности. Во-вторых, в выявлении заимствованных имен и неологизмов – новых имен, рожденных постреволюционной эпохой. В-третьих, важным представляется определение в долевом соотношении имен популярных и доли детей, имевших так называемые революционные имена.

Нами проанализированы все регистрационные записи за период с 1919 по 1939 г. К сожалению, период с 1919 по 1928 г. представлен неполным комплектом материалов. Поэтому для репрезентативности данных в статье представлен период 1929–1939 гг. Для выразительности выводов возьмем срез данных за крайние даты. За 1929 г. – выявлена 1371 запись (712 мальчиков, 659 девочек), за 1939 г. – 1362 записи (692 мальчика, 671 девочка). Так, в 1929 г. выявлено 103 имени мальчиков и 123 имени девочек, в 1939 г. – 67 имен мальчиков, 101 имя девочек. Эти показатели свидетельствуют о большем разнообразии имен у девочек, сокращении в течение десятилетия номенклатуры имен с обеих сторон. Очевиден и тот факт, что сохраняется повторяемость при выборе имени, а это, в свою очередь, представляется показателем некоторой стабильности и традициона-

лизма. К концу исследуемого периода явно угасала потребность давать детям имена, выбывавшие из традиции.

Не менее важным представляется и тот факт, что было нарушено некоторое следование практике называть детей согласно календарной традиции. Таким образом, стало возможным определить наиболее популярные имена, даваемые детям. Наиболее распространенными мужскими именами в 1929 г. были Юрий (86), Владимир (80), Николай (43), Борис (38), Виктор (33). Наиболее часто выбираемые женские имена – Тамара (48), Маргарита (43), Галина (43) Нина (39), Ирина (37). В 1939 г. самые распространенные мужские имена – Владимир (104), Валерий (61), Юрий (86), Николай (34), женские – Галина (61), Маргарита (54), Татьяна (44), Нина (38), Римма (21). Данные имена, конечно, являются традиционными (за исключением Риммы), вместе с тем из общего списка имен практически исчезли у горожан такие имена, как Василий, Петр, Иван, Анна, Мария, Анастасия.

В течение многих лет в традиционном сознании укреплялось мнение о том, что советская эпоха породила совершенно новый реестр «революционных, советских» имен (Байбурин 2019; Бондаренко 2013; Дианова 2021; Жидкова 2012 и др.). Более того, укрепилось мнение о степени их распространенности. Безусловно, этот факт имел место и в постреволюционной Вологде. Среди изученных нами регистрационных материалов выявлены следующие мужские имена: Владлен, Энгельс, Ким, Рэм, Октябрин и женские – Октябринна, Рева, Люсия, Коммунара, Идея, Сталина, Энергина. Появление подобных имен несет в себе представление горожан о новом советском обществе, лишенном традиционных оков.

Вместе с тем доля таких имен в общем списке выявленных крайне мала. Так, в 1929 г. из 712 мальчиков новые имена получили только 16, а из 659 девочек – 23. Это наивысший процент на протяжении всего исследуемого периода – 2% и 3% соответственно. Показателен и тот факт, что все без исключения дети, получившие нетрадиционные имена, – это дети, рожденные в семьях городской бедноты. Среди профессий родителей значатся следующие: сторож, дворник, уборщица, мойщица посуды и т. п.

К 1939 г. ситуация меняется. Только 8 девочек (из 671) и 5 мальчиков (из 692) названы по-новому. Преимущественно это имена, которые не имели явного революционного контекста, скорее благозвучно воспринимаемые обществом (Нэлли – производное от Нинель, Владлен, Вилена и т. п.) и были популярными на протяжении еще многих лет существования советской повседневности.

Подобные факты убедительно доказывают возвращение к традиционным устоям и демонстрируют практически полный отказ от сложившейся на ранних этапах советской повседневности практики имянаречения.

Важно отметить, что данное явление было скорее времененным. Отсутствовали постоянство и повторяемость в выборе имени. Как правило, выявленные нами неологизированные имена единичны.

Довольно сложной задачей представляется попытка выявить ориентиры при выборе имени. Используя регистрационные записи, это сделать непросто. Вместе с тем нам удалось сделать несколько наблюдений. В ряде случаев выявляются факты традиционной аналогии при регистрации ребенка, когда последовательно повторяются одни и те же имена. В части случаев это связано с бытованием традиции: имя совпадало с выбором его по святым. Конечно, данный источник не может быть абсолютно репрезентативен в этом вопросе, вместе с тем нами выявлены подобные случаи, подтверждающие сохранение данной практики. Например, в начале декабря выявлено несколько зарегистрированных Екатерин, в конце января – Татьян. Однако более показательным примером является повторяемость таких имен, как Герман, Эмма и др. Вероятно, при регистрации учитывался пример предложенного имени ребенка, зарегистрированного накануне.

Редкие имена, выбывавшие из окружения, чаще были связаны с желанием дать ребенку исключительное имя. Такие примеры в русских этнических семьях не часты. Нами выявлены такие имена, как Критерий, Гусман, Эдмунд, Ядвига, Идилия, Эсмиральда, Сайда.

Вологда в исследуемый период по национальному составу являлась моноэтничным городом, где преобладали русские. Однако нами выявлено в 1929 г. кроме русского населения 32 национальности. Доля зарегистрированных детей в иноэтничных и смешанных семьях в 1929 г. – 5%, в 1930 г. – 7,5%, в 1939 г. – 15%. Вместе с тем доля имен, соответствовавших этническим традициям, крайне мала. Наиболее заметны данные особенности в смешанных семьях, где очевидно русское этническое влияние. Исключение составляют семьи этнических татар и евреев, где на протяжении всего исследуемого периода сохраняется верность национальной традиции.

Вместе с тем среди имен, интернированных в русскую практику имянаречения, явно преобладают немецкие: Адольф, Альфред, Берта, Линда и др. Кроме выбранного имени, традиционного в русской этнической среде, часто русифицируется и отчество, например, при регистрации отца – Гирша, отчество ребенку дается – Григорьевич.

Документация эпохи 1920-х – 1930-х годов часто изобилует ошибками и неточностями. Имя первой записывалось на слух. Так, вместо Инна – Ина, вместо Эдуарда – Эдуарт, Алег вместо Олег, Алерий вместо Валерия. Или вариант краткого, упрощенного имени – Лена, Рита, Ира – вместо Елена, Маргарита, Ирина соответственно.

Другой факт – это разнотечения в даваемом, как правило, новом имени. Так, в регистрационных листах встречаются Нелли, Нэля, Нинель и др.

Подводя итог, мы имеем возможность сделать следующие выводы: в 1920-е – 1930-е годы на 90–95% сохраняется номенклатура имен, которыми называли детей. Исчезают из списка некоторые, часто неблагозвучные, имена, даваемые детям по святым. Сокращается доля традиционных имен, широко распространенных в дореволюционную эпоху. Однако большая часть имен – имена православного календаря. В номенклатуре имен в 1920-е – 1930-е годы

выявлены наиболее популярные, что делает возможным свидетельствовать о появлении «моды» на имя. Вместе с тем в антропонимии раннего советского времени на незначительный период появились нэологизмы, порожденные революционными названиями. Как показывают источниковые материалы, к концу исследуемого периода они практически исчезают из числа тех, которыми именовали младенцев.

Выбор имени становится привилегией родителей. В ряде случаев влияние на выбор имени оказывала особая постреволюционная повседневность, требовавшая по-новому относиться к имени, даваемому новому гражданину молодого советского государства.

Вместе с тем проведенный анализ источников позволяет сделать вывод о сохранении традиции имянаречения в конкретном городском пространстве ранней постреволюционной эпохи как маркера сохранения этничности.

Источники и материалы

Собрание узаконений 1918 – Собрание узаконений РСФСР. М., 1918.

Собрание узаконений 1926 – Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. М., 1926.

Собрание узаконений 1942 – Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942.

Научная литература

Байбурин А. К. Последовательность элементов именной формулы в русской традиции // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 4. С. 74–82.

Бондаренко Е. Д. Советские сценарии имянаречения: диалог с традицией // Политическая лингвистика. 2013. № 4(46). С. 166–171.

Дианова Е. В. Эволюция практики имянаречения в первые десятилетия советской власти // История повседневности. 2021. № 1(17). С. 76–103.

Жидкова Е. Советская гражданская обрядность как альтернатива обрядности религиозной // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30. № 3–4. С. 408–429.

References

- Baiburin, A. K. 2019. Posledovatel'nost' elementov imennoi formuly v russkoi traditsii [The sequence of elements of the nominal formula in the Russian tradition]. *Voprosy onomastiki* V. 16 № 4: 74–82.
- Bondarenko, E. D. 2013. Sovetskije stsenarii imyanarecheniya: dialog s traditsiei [Soviet Naming Scenarios: Dialogue with Tradition]. *Politicheskaya lingvistika* 4(46): 166–171.
- Dianova, E. V. 2021. Evolyutsiya praktiki imyanarecheniya v pervye desyatiletija sovetskoi vlasti [The evolution of the practice of naming in the first decades of Soviet power]. *Istoriya povsednevnosti* 1(17): 76–103.
- Zhidkova, E. 2012. Sovetskaya grazhdanskaya obryadnost' kak al'ternativa obryadnosti religioznoi [Soviet civil ritual as an alternative to religious ritual]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* V. 30 № 3–4: 408–429.

FEATURES OF THE TRADITION OF NAMING IN THE CONDITIONS OF THE EARLY SOVIET PERIOD (BASED ON THE MATERIALS OF THE CITY OF VOLOGDA)

Abstract. The article examines changes in the practice of choosing a name in one of the difficult periods in the development of Soviet society: in the 1920s – 1930s. The degree of traditional and innovative when choosing a name is revealed, the degree of preservation of the tradition and the direction in its reconstruction are analyzed. The source basis for determining the trajectory of changes is the official documents on the registration of children

in the Soviet institutions of Vologda. The changes that took place here are typical for most of these cities, and, consequently, for the urban everyday life of the early Soviet period. The analysis of the sources allows us to conclude that the tradition of naming in a particular urban space of the early post-revolutionary era was preserved as a marker of the preservation of ethnicity.

Keywords: naming, provincial Russian city, tradition, innovations, urban everyday life, nomenclature of names, «fashion» for names, Orthodox saints, anthroponymy, neologisms, 1920s – 1920s, Vologda.

Authors Info: Spasenkova, Irina V. – Ph. D. in History, Head of the Department of Theory, History of Culture and Ethnology, Institute of Culture and Tourism, Vologda State University (Vologda, Russian Federation), E-mail: irinaspas@mail.ru

For citation: Spasenkova, I. V. FEATURES OF THE TRADITION OF NAMING IN THE CONDITIONS OF THE EARLY SOVIET PERIOD (BASED ON THE MATERIALS OF THE CITY OF VOLOGDA). *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 34: 106–110

